

Евгений МИРОНОВ, артист

Я — гибрид стрекозы и муравья

Только что за роль князя Мышкина в телефильме «Идиот» Евгений МИРОНОВ удостоился «ТЭФИ». Сам сериал стал настоящим триумфатором церемонии, получив семь золотых статуэток. Незадолго до вручения награды актер дал интервью обозревателю «Известий» Марине ДАВЫДОВОЙ.

— Так получилось, что у вас были за последнее время сразу две крупные работы — Мышкин в «Идиоте» и Лопухин в «Вишневом саде» Эймунтаса Някрошюса. Лопухин, конечно, дался тяжелее?

— Тяжелее дался как раз Мышкин. Не потому, что образ героя сложен, а потому, что экстремальными оказались условия, в которые я был поставлен. Все быстро снималось. Нужно было не плюнуть в вечность.

— «Вишневый сад» тоже, кажется, быстро репетировался.

— Быстро, но там интенсивность работы другая. Это были длинные и изнурительные репетиции с 11 утра до 6 вечера. Дальше Някрошюс говорил: все, у меня болит голова, я больше не могу. И было видно, что это правда. С него пот капал. Самое удивительное, что он почти не вставал с места. Знаете как режиссеры — мечутся, показывают. А когда он начинает показывать — это караул. Хуже, чем его показы, я показов в жизни не видел. Я был уверен, что все режиссеры известные — Олег Ефремов, Валерий Фокин, да все, должны уметь показывать. Ведь артисты очень часто именно с показа многое и берут. У Някрошюса это антипоказ.

Евгений Миронов — князь Мышкин в телесериале «Идиот»

(Окончание на 11-й стр.)

Известия. - 2003. - 10 окт. - с. 11

Евгений МИРОНОВ, артист:

Я — гибрид стрекозы и муравья

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Это заставило вас как-то усомниться в его величии? — Что вы! Някрошюс — гений. Для меня это очевидно. То, куда он заглядывал и нам иногда позволял заглядывать, грандиозно. Но у него очень сложные, мучительные отношения с профессией. Мы с ним как-то разговорились. Так просто, не о спектакле. Это был последний день моего пребывания в Вильнюсе, где проходила часть репетиций, и он посадил меня в машину, повез смотреть город с высоты птичьего полета. В какой-то момент он остановился и сказал: знаешь, я занимаюсь не своим делом. Я сначала решил — кокетничать. Сейчас понял, что нет. Своим делом человек занимается с легкостью, а я видел, каким трудом ему даются репетиции. Физиологической болью. Он почти стареет. Я впервые стал свидетелем того, как гений рождает.

Во мне есть что-то для короля Лира

— Вы сказали, что роль Мышкина вам далась тяжелее, чем Лопехина, но Мышкин, по моему, гораздо больше соответствует вашей актерской органике. А Лопехина — идеальная роль для Высоцкого. Над вами не маячил его образ из знаменитого спектакля «Эфроса»?

— Не маячил. И мне не казалось, что Лопехина — это не мое. К тому же Някрошюс придумал очень разното, противоречивого героя. В нем и нежность, и жесткость, и фатализм. Все на свете. Някрошюс совершенно неожиданные предлагал ходы. Вы можете представить Высоцкого — Лопехина, поющего песню из «Демоны» Рубинштейна? А у Някрошюса пою.

— И все же есть роли, которые вы делите на свои и не свои? — Нет. Вот так вот нагло отвечаю — нет.

— Смелый ответ. Я думаю, есть два подхода к актерству. Или ты — лицедей, такой Актер Актерыч, и тогда ты все можешь сыграть — и женщину, и ребенка, и старика. Или же работа над ролью предполагает накопление какого-то человеческого материала. Мне кажется, что вы исповедуете второй подход.

— Да, конечно. У меня даже цепочка такая выстраивается. Если бы не было фильма «Мусульманин», я не сыграл бы, наверное, Ивана Карамазова. Без Ивана Карамазова и Гамлета — Мышкина. Человеческий опыт и актерский для меня неразрывны.

— Повлю вас на слово. Вам предлагали сыграть короля Лира. Вы согласитесь? Ведь то, что это человек старый, очень важно для этой роли. Это не вопрос возраста, а вопрос каких-то переживаний, которые не могут случиться с молодым человеком.

— Понимаете, если мне предлагают короля Лира, значит, на-

ное, предлагающего заинтересовало то, что во мне сейчас есть для этой роли. А там наверняка что-то есть. Не все, но что-то. И это что-то всегда можно сыграть. Я не ответил на ваш вопрос?

— Почему же. Ответили. Очень хорошо, по-моему, ответили.

Когда мне комфортно, я сразу пугаюсь

— Я не знаю другого артиста, который подобно вам сыграл бы за свою, не очень длинную пока карьеру у такого количества непохожих друг на друга режиссеров — Петер Штайн, Валерий Фокин, Деклан Доннеллан, Някрошюс. Когда уже поработал с постановщиком, знаешь примерно, что в следующем раз он будет от тебя хотеть. Но приспосабливаться каждый раз к новой стилистике очень сложно. Вам это нужно?

— Меня это не пугает. Я легко адаптируюсь в новых, сложных условиях. Это, наверное, одно из главных моих актерских качеств. Я люблю экстрим. Люблю пробовать что-то новое. Идти напролом. Это же интересно. Я, наоборот, больше всего боюсь привычки.

— С кем из российских режиссеров вы хотели бы сейчас поработать?

— С Кириллом Серебренниковым.

— А с Фоменко или Гинкасом?

— Я восхищаюсь ими, но я себя у них пока не вижу. Правда, я и у Някрошюса себя пока не видел. Когда смотрел его «Гамлета», совершенно, по-моему, гениального, я обрыдался. Но я понимал, что мне не интересно работать в таком спектакле артистом. Мне не хватало какой-то свободы. Казалось, что они все действуют как марионетки.

— А когда поиграли, почувствовали свободу?

— Не сразу. Когда мы только начали работать, я сопротивлялся. Если я что-то не понимаю — это все, я вообще играть не могу. Мне надо быть в соавторстве с режиссером, а не выполнять безоговорочно чью-то установку. Поэтому я засыпаю режиссеров вопросами. И вдруг во время репетиции «Вишневого сада» я понял, что это глупо. Потому что всего он все равно мне не скажет. То, что он придумывает, невозможно разложить по полочкам. И я только интуитивно могу понять, чего он от меня хочет. С какого-то момента я стал абсолютно туло выполнять указания Някрошюса, пытаюсь на каком-то сверхрациональном уровне уловить верное направление. И только тогда вдруг почувствовал свободу.

— Простой вопрос: кто из тех гигантов, с которыми вы работали, вам все же ближе других? С кем из них было комфортно?

— Ни с кем из них мне не комфортно. Да и материал, который меня с крупными режиссерами

сталкивал, тоже, знаете, дисконформен. Когда мне комфортно на репетиции, я сразу пугаюсь.

— Следовательно, с кем-то из режиссеров все-таки было комфортно? С кем?

— Не буду говорить. Обидается.

Если не хлопают, значит все у меня получилось

— Когда вы почувствовали, что вот она пришла, слава?

— Я не кокетничаю, ей-богу. Я

до сих пор этого не чувствую. Слава или покой, когда ты чего-то достиг и можешь теперь смотреть откуда-то с поднебесных вышей на растапливающую под тобой жизнь... У меня этой платформы нет и не было. Ее ни купить невозможно, ни достать по блату. Вот я сжимался в «Идиоте» с Инной Чуриковой. Для меня это было открытие по всем статьям — и человеческим, и профессиональным. Я смотрел на нее и учился. И, вы понимаете, у нее тоже не было платформы. А это же Чурикова-а-а! Она все равно себя чувствовала как студентка, которую только что выпустили перед зрительным залом и надо что-то доказывать. Не кому-то доказывать, а самой себе. Какое тут спокойствие. Просто есть разница между творческим волнением и суетой. Вот мне надо будет сейчас ехать на «ТЭФИ», и я думаю с ужасом, что надо будет в какой-то, крутой желатиновой машине подехать, наряд какой-то нацепить, надо выпендриться как-то, челку что ли сделать. И мне так лень думать про это, хотя это тоже неотъемлемый атрибут актерства. Конечно, иногда, в какие-то секунды мне приятно постоять в лучах зрительской любви...

— Я всегда думала: а как себя чувствует артист, когда все хлопают вот так одновременно, как один человек, и ты понимаешь, что ты что-то такое с залом сделал... — Я вам скажу. Я вчера слушал потрясающего джазиста. Эх, забыл сейчас имя... Он имеет две премии Грэмми. Звезда. И пока он находился на сцене, ему было так интересно то, что он там делает, что он забывал иногда о зрителях. Знаете, как иногда заводят — руки вверх, давайте хлопать, ребята, я работаю сейчас на вас. Нет — он занимался своим делом. Оторваться от него было нельзя. Зал стоял на ушах. А уходил он незаметно — раз и ушел. Может, в этом какой-то трюк был, но, по-моему, ему было просто не до толпы. Когда что-то задело тебя глубоко, обычно молчишь. После сложнейшего монолога Лопехина в третьем акте, когда зал мне не хлопают, а просто затаихает, для меня это дороже. Значит, все у меня получилось. Значит, попал...

Я попытался один день прожить, как князь Мышкин

— Вы, молодой еще человек, сыграли важнейшие роли мирового репертуара — Гамлета, Мышкина, Карамазова, Хлестакова. Самозванца в «Борисе Годунове». Это вершины. Но ведь когда человек поднимается на вершину, единственное, что он может делать, — это спускаться с нее вниз. Вас это не пугает?

— С одной стороны, вы правы. Но можно ведь пойти по второму кругу. Залезть на вершину с другой стороны. Как Лоуренс Оливье или

Джон Гилгуд. Они же играли одни и те же роли по несколько раз. В другой трактовке, у другого режиссера.

— А новые вершины?

— У меня есть интересные предложения, но нет никакой специальной мечты. Более того, у меня никогда их и не было. Я никогда не мечтал сыграть ни одну из тех ролей, которые сыграл.

— То есть вы не пытаетесь влиять на ситуацию — что жизнь предложит...

— Нет, я не просто стрекоза. Я гибрид стрекозы и муравья. Для всего нужно подготовить почву. Так просто ни одно зерно не взойдет. Но какое зерно упадет, об этом я не думаю заранее. Настоящая роль, если уж она тебе досталась, требует тяжелой работы. Жертвы требуют.

— Жертвы? Какой?

— Отказ от себя прежнего. А это часто мучительно.

— От себя или своих актерских штампов?

— Я же сказал, что для меня это неразрывно. Так получилось, что герои, которых я играю, это почти реальные для меня люди. Когда долго дружишь, знаешь ведь, что делает человек в такой-то ситуации. А я со своими героями дружил, отождествлял себя с ними и спорил с ними. У меня иногда было раздвоение сознания, как у Ивана Карамазова с чертом. И образ Мышкина я все равно не могу отстранить от себя самого. В какой-то момент это приняло навязчивый характер. У Мышкина есть одно свойство — он никогда не врет. То есть по ходу дела он начинает немного привирать, чтобы подделаться под людей. Потому что иначе он очень выделяется и тем самым приносит вред и себе, и окружающим. И вот, знаете, я попробовал один день не врать. Ну абсолютно. Это же касается всего. И обще-

На церемонии вручения «ТЭФИ»

жуткий пессимизм Федора Михайловича. Все заканчивается жуткой трагедией. Для всех. Кто-то мне говорил из достоевских, что Мышкин в одного человека все же заронил это зерно. В Рогожину. Поэтому все же какая-то надежда есть. Вот он вернется с каторги и, может, что-то попытается изменить. Но в принципе там полное отчаяние.

Когда я шел в школу, мама грела мне чайником стул

— Вам было когда-нибудь стыдно за свои роли? Не за то, как вы сыграли, а за то, что. Русские звезды просто в силу безденежья, очевидно, очень часто вляпываются в разные халтуры — и театральные, и кинематографические.

— А у западных звезд, вы думаете, это не случается? Я недавно видел Джека Николсона — это один из любимых моих артистов — в какой-то удивительной картине, в которой он, видимо, за очень большие деньги просто существует в кадре. Это ужасно. Я очень боюсь таких разочарований, связанных с самим собой. Я, тем не менее, никого не обвиняю. Деньги нужны всем, а платят больше за плохое, чем за хорошее. Я как-то держусь. Может, мне просто везет. Мне очень не хотелось бы скучиться.

— Это вообще, по-моему, главное в жизни после того, как приходит слава — не скучиться. Сначала чего-то добиться, а потом не скучиваться.

— По-моему, я очень трезво себя оцениваю. Понимаю, что я сделал, что не сделал. Что получилось, что нет. Витания в облаках у меня никогда не было. Может, потому что мне все давалось нелегко.

— А вот со стороны кажется, что вам все легко давалось.

— Ну да, такие роли с такими режиссерами — это, конечно, везение. Но тут существует ведь другая опасность. Так сложилось, что я все время играю трагических персонажей. И это, безусловно, оставляет на мне след, отпечаток. Возникает проблема мироощущения. Я, наверное, поэтому с такой огромной радостью ринулся к Машкову во мхатовский «Номер 13». В чистую комедию положений. Это была редкая возможность наконец-то отделиться и просто лицедействовать. Это было радостью. Так что сложности возникают у меня особые, внутренние. И как с ними бороться, я пока не очень понимаю.

— Если брать начало пути актерского, там тоже все было легко?

— Я могу все это рассказать, но рассказать не хочется. Все непросто было. И потом есть весы. За все приходится платить. За все. В том числе за успех.

— Платить чем?

— Много чем. Я до какого-то момента вообще не видел жизни, ее прелестей. Я не понимал, что это такое. Я был так увлечен каким-то другим миром — как говорит Екатерина Васильева, ушедшая из профессии, — миром фальшивым и искусственным, что жизни как таковой просто не замечал.

— А в детстве замечали? В юности?

— У меня было такое детство, знаете, надо мной не дышали. Я шел в школу, а мама грела чайни-

ком мне стул, на котором я завтракал, чтобы попка моей была тепло, чтобы я учился хорошо. И это воспитание, за которое я не расплачусь уже никогда — разве что детям своим как-то это верну — оно к жизни меня не очень пригодило. Поэтому я двинулся в другую сторону, в придуманный мир, и там мне было очень интересно. Но в какой-то момент я вдруг понял, что пора из этого выпрыгивать. Не открываться по полной программе — я к этому всегда был равнодушен. Мне просто стало интересно смотреть по сторонам. Смотреть на природу. На листья. Я никогда не замечал, когда они желтеют. Не когда было.

— А это действительно сложно заметить. Они и распускаются быстро. Вот вчера еще ничего не было, и вдруг выглянул — а все зелено.

— Может, у меня просто кризис среднего возраста. Я стал концентрироваться на вещах, которые реальные, не из придуманного мира.

— Я позволю себе все же заметить, — так, в сторону — что Васильева противопоставляла, наверняка, не сценический мир и реальную жизнь, а сцену и интенсивную духовную, религиозную жизнь.

— У меня с этой сферой особые отношения. Я такие роли играл... И это меня столько всего заставило переосмыслить. В работе над Иваном Карамазовым (спектакль «Современника» «Карамазовы и ад» в постановке Валерия Фокина. — М.Д.) у меня вообще произошла переоценка себя самого как личности. Открытие себя другого. Может, эти роли и толкнули меня на мысль об отходе от актерской профессии. Не знаю уж, чем это закончится...

Ко мне за кулисы пришли как-то Джон и Ральф Файнсы

— Раньше были настоящие театральные звезды. Вот Качалов, например. Их слава была завоевана исключительно подмостками. Это была честная театральная слава. Сейчас это почти невозможно. Сейчас артист существует в такой ситуации, когда стать звездой без кинематографа и отчасти без гламурного мира невозможно. Вас это никогда не задевало?

— Ну почему же. Вот в театре Фоменко играют же настоящие театральные звезды. Галия Тонина, моя любимая актриса, сестры Кутеповы. Сейчас, правда, их начинают растаскивать по маленьким. А если вы имеете в виду властителей дум, так что же подлаешь. Конечно, все изменилось. Во времена Ермоловой не было телевидения, кинематографа. Был только театр.

— Но все же никогда не возникло зависти к звездам международного уровня? Причем это часто действительно прекрасные артисты — Марлон Брандо, Аль Пачино. Их знают от Гватемалы до Японии. И понятно, что, сколько бы вы ни играли Гамлета или Лопехина на сцене, у вас никогда не будет такого признания, как у них.

— Ну не то чтобы я сидел и печалился, что меня не знают в Гватемале. Такие переживания ни к чему

хорошему не приведут. Разве что к «Кашенко». Будешь там ходить по больнице и говорить себе: «Я Брандо, я Брандо». Что касается нашего выхода на международную арену, то ехать туда и копировать их безнадежно. Играть сербов и бандитов уже не модно. И главное — неинтересно и скучно. Знаю по своим товарищам. Многие пытались. Ничего хорошего не получалось, потому что они все равно лучше. Понятно, что даже средняя их картина будет продаваться по всему миру и делать сборы... А для нас интерес к нашему фильму — это чудо. Российский кинематограф и гватемальский для Запада что-то примерно одинаково. Хотя у нас вроде есть Тарковский, Михалков, Параджанов. Обидно, конечно.

Но, в конце концов, нам есть что предложить миру. Я играл «Бориса Годунова» (спектакль знаменитого английского режиссера Деклана Доннеллана, поставленный с русскими артистами. — М.Д.) по всей Европе. И когда мы давали его в Лондоне, ко мне в гримерную по окончании пришли два брата Файнса — Джон и Ральф — и спросили: как вы так это делаете? Восхищались. И я понимал, что это не лезть. То, как мы играем на сцене, редко, что может. Поэтому нам есть чего продавать.

Я немного завидую Табакову

— Вы в «Табакерке» что-то еще играете?

— Бумбараша. Я играю его больше 12 лет. Пенсионер.

— У вас ностальгическое к этому театру отношение?

— Ну, конечно.

— Но как к актерскому детскому саду или все же как к университету?

— Да бог его знает. Как к родному дому. Я редко туда возвращаюсь, но он все равно родной. И когда я прихожу туда, я понимаю его цену. Потому что, в каких бы проектах я ни участвовал, я всегда помню, что там мы все одной крови. Как в «Маугли».

— До сих пор?

— До сих пор. Это неистребимо.

— А Табакова вы по-прежнему ощущаете своим учителем?

— К Табакову у меня почти сыновнее отношение. После «Вишневого сада» он позволил мне ночью...

— Я, кстати, была на этом спектакле и видела, что он, в отличие от многих наших звезд, выскочил его до конца, то есть все шесть часов, и даже хлопал, стоя, хотя я не уверена, что ему должно было это все очень нравиться...

— Я сам был этим удивлен. Так вот, он час мне потом делал замечания. И говорил очень важные вещи...

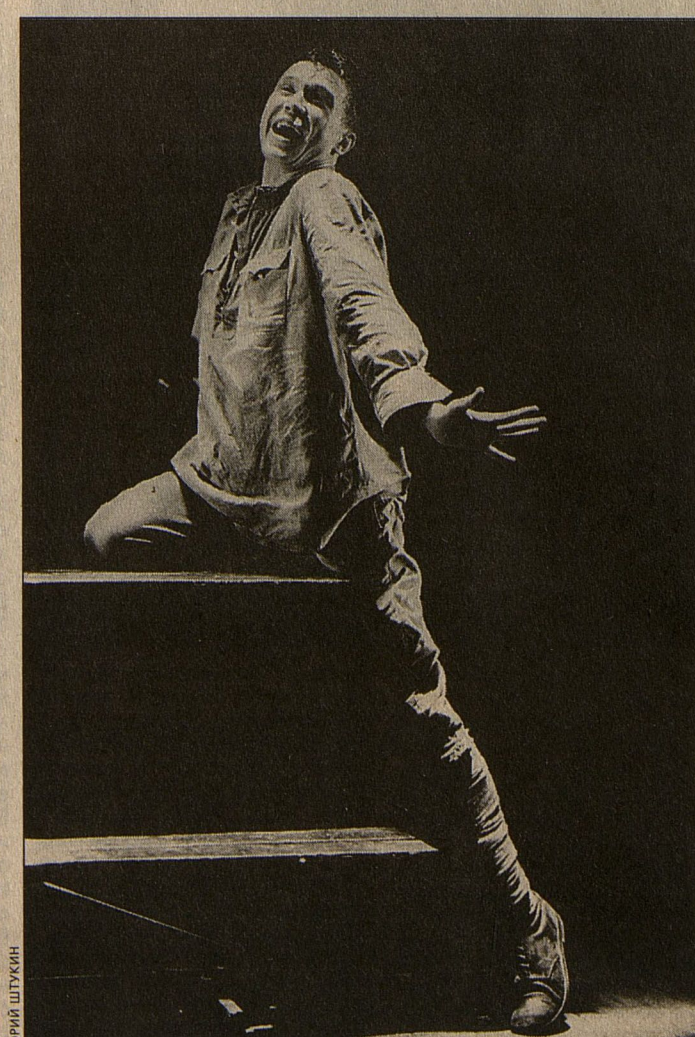
— Но ведь он совсем другого склада артист. Он как раз такой Актер Актерыч. Редко бывает, что столь близкие люди так непохожи.

— Ну да, он — лицедей. Он делает все немного играючи. Я даже завидую такой его радости нахождения на сцене. Я ведь испытываю от работы сложные ощущения. Это не просто радость. Это почти всегда мучительная радость. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Я же слышала ваш рассказ о Някрошюсе.

«Обыкновенная история». Олег Табаков — Адуев-старший, Евгений Миронов — Адуев-младший. Учитель ободряет ученика

Евгений Миронов — Бумбараш. Первая звездная роль в спектакле «Табакерки» «Страсти по Бумбарашу». Спектакль идет до сих пор

Евгений Миронов — князь Мышкин в телесериале «Идиот»